

er V. Nabokov perceives his own self and the world around from outside. This style trait is mainly implemented through parody, pun and irony. Alongside it a convergence of homogeneous members of the sentences and the principle of gradation contribute to the vividness and expressiveness of the style of the novel.

Key words: *visual metaphors, synesthetic epithets, comparison, semiotic capacity, parody, pun, play upon words, subjectivity of author's narrative, complex sentence, compound sentence, parenthetical words, verbal art.*

УДК 821.161.1

Н.А. Гриднева (Россия, Самара)

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЕРОЯ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Статья посвящена проблеме самоидентификации героя в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор». Его трудный и длительный процесс повторного обретения себя анализируется с опорой на концепцию нарративной идентичности личности, разработанную П. Рикером.

Ключевые слова: *идентичность, самоидентификация, нарратив, Водолазкин, Рикер.*

Проблема идентичности не первое десятилетие находится в центре внимания целого ряда гуманитарных наук [Белинская 2015; Козеру 2017; Кучумова 2019]. Повышенный интерес к ней связан, прежде всего, с известными тенденциями внутри современного общества, которые заставляют многих специалистов говорить о кризисе личностной самоидентификации. В научном обиходе прочно закрепляются такие понятия, как «мультифрениа» К. Гергена и «протеевская идентичность» Р.Дж. Лифтона, подразумевающие невозможность обретения личностью единства и постоянства, ее неизбежную расщепленность и подверженность непрекращающимся внутренним трансформациям.

В настоящее время изучение проблемы идентичности осуществляется, главным образом, в пространстве конструкционистской парадигмы, представленной, в частности, дискурсивным и narra-

тивными подходами. Ключевой для обеих является идея о непосредственной взаимосвязи между становлением идентичности и языком. Однако если первый рассматривает идентичность исключительно как продукт конкретного ситуативного контекста, той или иной дискурсивной практики, настаивая, таким образом, на ее принципиальной лабильности и неустойчивости, то нарративный подход, признавая за идентичностью ее развивающийся и изменяющийся характер, все же не отказывает ей и в определенной устойчивости [Кутковая 2014; Турушева 2014].

Одним из ведущих представителей этой линии исследований является известный французский философ Поль Рикёр (1913 – 2005). Свою концепцию нарративной идентичности, т.е. идентичности, обретаемой человеком посредством повествования, он выводит из концепции идентичности персонажа. Опираясь на труды Аристотеля, философ, в частности, разрабатывает понятие «несогласного согласия», характерного для всякой нарративной композиции и подразумевающего диалектику «между разнообразием событий и временным единством рассказанной истории», «между разрозненными компонентами действия и цепью исторических событий» – иначе говоря, «между разбросанностью повествования по эпизодам и силой унификации, развертываемой конфигурирующим актом» [Рикер 2008: 174].

Эта диалектика согласия и несогласия определяет внутреннюю диалектику персонажа, который по линии согласия «достигает своей уникальности благодаря единству собственной жизни», рассмотренной как уникальная, отличающая его от всех других временная тотальность, а по линии несогласия оказывается перед лицом угрозы разрыва этой временной тотальности «отмечающими ее непредвиденными событиями», случайностями [Рикер 2008: 180]. Диалектику несогласного согласия персонажа П. Рикер вписывает в лежащую в основе личной идентичности диалектику тождественности, подразумевающей перманентность, неизменность, и самости, предполагающей, напротив, изменчивость и нестабильность. Основной вклад нарративной идентичности в формирование «Я» он усматривает, таким образом, именно в ее посредничестве между этими двумя полюсами.

«В рассказанной истории с ее свойствами единства, внутренней связности и полноты, возникающими благодаря операции связывания интриги, – пишет П. Рикер, – персонаж на всем протяжении истории сохраняет идентичность, соответствующую идентичности самой истории» [Рикер 2008: 175-176]. Исходя из того, что личная идентичность формируется лишь во временном измерении человеческого существования, философ показывает, как повествование буквально «созидает» идентичность рассказчика, обеспечивая ему возможность «сосредоточения жизни в единство», «соединения прошлого с будущим» и за счет этого – ощущения постоянства во времени, связности и непрерывности собственного «Я».

Герою романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор», в 1920-е годы подвергшемуся в лагере на Соловках экспериментальной заморозке жидким азотом и очнувшемуся теперь, в самом конце XX века, в одной из московских больниц, лечащий врач для скорейшего восстановления памяти советует «вспоминать по-больше» и завести дневник, чтобы записывать в нем свои воспоминания. Именно эти записи, которые герой продолжает делать на протяжении всего романа, помогают ему, в итоге, вновь обрести себя. Рассказывая на страницах дневника оживающие в памяти эпизоды из прошлой жизни, Платонов постепенно приближается к более глубокому пониманию собственной истории и, как следствие, к ответу на вопрос: «Кто я?», который для него лишь поначалу имеет самое элементарное, бытовое измерение, но потом приобретает характер сущностной, морально-нравственной самоидентификации.

Итак, ледяной сон, продлившийся несколько десятилетий, четко разделил жизнь Иннокентия Платонова на «до» и «после». Трагизм и сложность ситуации героя в том, что он, по выражению лечащего врача Гейгера, никак не может «подружиться со временем»: прошлое напоминает ему «отсеченную и вновь пришитую руку», настоящее кажется чуждым, непонятным, в чем-то враждебным, будущее – пугающе неизвестным, абсолютно непрогнозируемым: «А мне как раз моя колея и не нравится. Какая-то кривая, прерывистая – где она столько лет петляла? И главное, куда

ведет? В ту странную жизнь, которую я вижу по телевизору? Эта жизнь меня пока не увлекает» [Водолазкин 2020: 93].

Выброшенный из единого потока времени, герой утратил чувство непрерывности, связности опыта, которое, собственно, и обеспечивает личности возможность самоидентификации, так как опыт сам по себе неизбежно и постоянно обновляется, пополняется, изменяется, и именно преемственность опыта, то есть присвоение его личностью в качестве своего, порождает чувство тождества «Я». Чтобы свести воедино себя прошлого с собой настоящим, Платонов отчаянно пытается восстановить в своем сознании распавшийся временной континуум: «Я ведь только тем и занимаюсь, что ишу дорогу к прошлому <...> Я пытаюсь приблизиться к прошлому разными путями, чтобы понять, что оно такое. Что-то отдельное от меня или переживаемое мной до сих пор?» [Водолазкин 2020: 349].

Платонов эпизод за эпизодом воскрешает на страницах дневника свое прошлое. Нарратив мобилизует его память – через актуализацию опыта, который, являя собой совокупность произошедших с человеком событий, хранится в нашей памяти именно в «нарративных формах потенциального рассказывания о себе» [Тюпа 2017]. Рассказывая, герой возвращает себе собственную историю – уникальный опыт проживания своей единственной жизни, который обеспечивает личности возможность осознания собственной самости и, следовательно, самоидентификации в качестве «Я».

По кирпичику Платонов старается реконструировать свой прежний мир, будучи не в состоянии найти себе место в мире новом. Хотя в своих отчаянных попытках приспособиться к радикально изменившимся условиям жизни герой достигает определенного успеха, он все же не может по-настоящему влиться в общество своих «новых современников», принять произошедшие за время его многолетнего отсутствия перемены: «Было у нас общее время, а это, оказывается, очень много. Оно делало нас причастными друг к другу. Мне страшно оттого, что нынче все мне чужие. Все, кроме Анастасии и Гейгера. Своих только два человека, а раньше – весь мир» [Водолазкин 2020: 200-201].

Чуждость нового мира оборачивается для героя фактической невозможностью самоидентификации, которая, как показал еще Э. Эриксон, автор первых фундаментальных работ по проблеме идентичности, есть во многом процесс осознания своей принадлежности к определенной социальной группе и, шире, культуре, есть в определенном смысле вопрос соответствия человека и его культурно-исторической среды [Erikson 1959]. Неслучайно в качестве одного из основных проявлений краха личной идентичности в эпоху постмодерна многими специалистами рассматривается так называемый «номадизм» современного человека, подразумевающий именно его «непривязанность» к какому бы то ни было месту и времени, его «неукорененность» в какой бы то ни было среде [Шляков 2015]. Сам Е. Водолазкин, называя себя «персоналистом» и заявляя о преимуществе частной истории над всеобщей [Водолазкин 2019: 372], тем не менее, четко осознает значимость для каждой отдельной личности ее «родного» культурно-исторического пространства. Несомненно, одним из основных вопросов, поднимаемых писателем в романе, является тот, который однажды задает себе сам герой: «Человек – не кошка, он не может приземлиться на четыре лапы всюду, куда бы его ни бросили. Для чего-то же он поставлен в определенное историческое время. Что происходит, когда он его теряет?» [Водолазкин 2020: 97].

К воскрешению своего прошлого Платонов подходит с особых позиций. Мир его детства и юности, как и пугающий мир Соловков, предстают на страницах дневника в мозаике отдельных переживаний, впечатлений, мыслей и чувств. Сосредотачиваясь на «том, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда» [Водолазкин 2020: 336], герой преодолевает ход времени и вместе с ним случившийся в его жизни временной разрыв, поскольку вещи, о которых он говорит, имеют прямое отношение к вечности, это – «то, что осуществляется поверх истории, вневременно, освобожденно» [Водолазкин 2020: 164]. В этом смысле весьма символичным оказывается и тот факт, что свои записи Платонов помечает не календарными датами, но днями недели, представляющими, в отличие от первых, не линейное (историче-

ское) время, но циклическое, которое, как замечает сам герой, «замкнуто на себе», так что «вовсе и не время даже», «можно сказать, вечность» [Водолазкин 2020: 229].

Игнорирование Платоновым хронологии описываемых событий, на самом деле, нисколько не отдаляет его от желанного восстановления целостности времени и, как следствие, обретения целостности своего «Я». Как указывает П. Рикер, главным «объединяющим» фактором (и для самой истории, и для ее персонажа) в нарративе выступает интрига, которая «в предельном случае может перевернуть хронологию и даже упразднить ее» [Рикер 2008: 174]. В конце концов, сам Платонов, разъясняя свой подход к «жизнеописательству», ассоциирует себя скорее с художником, нежели с историком, для которого объективная последовательность событий является вопросом принципиальной важности. Кстати, по П. Рикеру, повествование, через которое «Я» стремится себя интерпретировать, «совершает заимствования как у истории, так и у художественного вымысла, превращая историю какой-либо жизни в вымышленную историю, или, если угодно, в исторический вымысел» [Рикер 2008: 143].

Повествование, которое, по определению П. Рикера, «никогда не бывает этически нейтральным» и выступает «первой лабораторией морального суждения» [Рикер 2008: 172], помогает Платонову преодолеть еще один «водораздел» его жизни, мешающий ему вновь обрести себя. Речь идет о совершенном им убийстве соседа Зарецкого, донесшего на отца его возлюбленной Анастасии, – поступке, сильно противоречащем нравственным принципам героя, заставившем его в порыве гнева буквально переступить через себя и, значит, себя потерять. На протяжении всего романа герой, вновь и вновь возвращаясь к фигуре Зарецкого, не сознается в содеянном (записи с признанием вины появляются лишь в самом финале, когда самолет, в котором он находится, терпит крушение).

Тем не менее, неоднократное упоминание им в дневнике строк из покаянного канона может быть воспринято как верный знак того, что переосмысление им собственного поступка – осознание его именно как греха, злодеяния, а не как справедливого возмездия за донос – начинается гораздо раньше и, вероятно, происхо-

дит во многом благодаря достижению им лучшего самопонимания через нарратив. Во всяком случае, очень показательным в этом плане оказывается тот факт, что герой, подробно рассказав, как все было, «переносится» в идиллическую пору своего детства: его жизненная колея, которая, по его собственному выражению, «столько лет где-то петляла», выходит из затянувшейся петли во времени, обретая утраченную целостность.

Библиографический список

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования 2015. Т. 8. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 09.10.2020).
2. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка: эссе. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 132 с.
3. Козеру К. Сознание, личная идентичность и дебаты о «Я» / «НЕ-Я» // Вопросы философии. 2017. № 10. – С. 130-140.
4. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). – С. 23-33.
5. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман рубежа XX-XXI вв.: Проблема Другого. – Самара: САМАРАМА, 2019. – 216 с.
6. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.
7. Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/932-turusheva33.html> (дата обращения: 09.10.2020).
8. Тюпа В.И. Кризис идентичности как нарратологическая проблема // Narratorium. 2017. № 1(10). [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243> (Дата обращения: 09.10.2020).
9. Шляков А.В. Номадизм постмодерна в свете краха личной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. – С. 255-257.
10. Erikson E.H. Identity and the life circle / with the historical introduction by D. Rapoport. – New York: International universities press, 1959.

Источники

1. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман. – М.: Издательство АСТ, 2020.

N.A. Gridneva (Russia, Samara)

**THE PROBLEM OF NARRATIVE IDENTITY
IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "AVIATOR"**

The article deals with the problem of self-identification in E. Vodolazkin's novel «Aviator». The long and difficult process of protagonist's searching for himself is analyzed from the perspective of P. Ricoeur's narrative identity conception.

Key words: *identity, self-identification, narrative, Vodolazkin, Ricoeur.*

УДК 821.112.2

Г.В. Кучумова (Россия, Самара)

**АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
РОМАН ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»**

Роман Даниэля Кельмана «Измеряя мир» (2005) рассматривается в анекдотическом дискурсе. Рассказанные в романе анекдотические истории стянуты под зонтик единой метафоры «измерение мира», что позволяет высветить основные тезисы и максимы культуры Просвещения. В повествовании о великих немцах эпохи Просвещения Кельман виртуозно сочетает юмор и легкую иронию. Автор развенчивает язык рациональности, высмеивает авторитеты, пародирует официальные культурные коды. Вместе с тем в анекдотических зарисовках Кельмана чувствуется высокий пиетет перед немецкими просветителями, ностальгическая грусть о том, что время великих «навигаторов» прошло.

Ключевые слова: *роман «Измеряя мир», Даниэль Кельман, анекдотический дискурс, авторский анекдот, игровой диалог, немецкое Просвещение.*

Постмодернистская реальность нового рубежа веков расстается с «великими нарративами» (Лиотар), претендующими на целостное мировоззрение, и переводит культуру в состояние идейной и эстетической эклектики, фрагментарности, мозаичности, веселости и необязательности. Адекватным отражением такого миро-